утверждение об основном характере исторической науки для всех эмпирических наук, то такая теория познания, очевидно, ляжет в основу и всех их.

История по своим *логическим* методам является основою всего эмпирического познания, как основою по методам исследования для истории может и должна считаться *филология.* Я, таким образом, воспроизвожу мысль, высказанную известным филологом: «Der Philologe ist der Pioner der Geschichtswissenschaft» (Usener). В свете именно этой мысли, кажется мне, раскрывается подлинная сущность исторических методов исследования. Я только добавил бы, имея в виду уже чисто логическую природу истории как науки: и историк — организатор наук о *слове.*
1917, II, 25.

Подробнее об этом противопоставлении см. в моей книге «История как проблема логики». М., 1916. Ч. I. Введение.

[2] См. мою книгу «История как проблема логики».

[3] В общих чертах они намечены в моей статье «Философия и история» (Вопр. философии и психологии. 1916. Кн. IV).

[4] Я не могу здесь останавливаться подробнее на этом важном и интересном вопросе. Я останавливаюсь на нем в статье, помещенной в философском ежегоднике «Мысль и Слово» (1917 г.), отчасти также уже в моей книге «Явление и смысл» (М., 1914).

[5] Шеллинг (Einl. in d. Philos. d. Mythologie. Ww. II, Abt. B. V S. 329) сравнивал эксперимент с диалектикой и называл хорошего экспериментатора диалектиком, ибо последний оперирует прежде всего с «возможностями», которые сперва в уме, а потом и с помощью инструментов отвергаются, пока мы не приходим к некоторому положению. И это, действительно, *диалектика*, потому что всякая такая «возможность» должна быть *названа*, словесно запечатлена, чтобы стала возможна вся эта работа.

[6] Подробнее я рассматриваю этот вопрос в статье «Предмет и задачи этнической психологии». «Психологическое Обозрение». 1917 г.

[7] Хотя всегда ему коррелятивны, или респективны по отношению к нему.

# СТАРАЯ И НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ

*Н. Гартман*

## I

Мышление Нового времени видело основную философскую науку в теории познания. При этом предполагалось, что мы знаем больше о познании, чем о его предмете; однако не замечали, что познание само является большой загадкой, так как отношение, с которым оно имеет дело, трансцендентное, т. е. буквально — «выходящее за пределы сознания». Ибо предмет познания существует независимо от самого познания.

Реакцией на это в наши дни является антропология. Оказалось, что познание является лишь одной из многих связей сознания с окружающим миром. Реагирование, действие, любовь и ненависть являются другими, параллельными трансцендентными отно-

шениями, и притом первичными, тогда как познание вторично и во временно́м отношении образуется также лишь в зависимости от них. В этом виделось указание на устройство человеческого существа, и поэтому науку о человеке пришлось поместить перед теорией познания.

Но и это оказалось половинчатым. К истинному пониманию человеческого существа относится, очевидно, знание о тех бытийных отношениях, в которых находится человек. Ибо человек — существо, зависящее от тысячи условий. Эти бытийные отношения суть полнота мира. Итак, надо было понять человека, включая его сознание, исходя из его встроенности в целостность реального мира. Таким образом, дошли до старой проблемы онтологии, т. е. той науки, которую когда-то ради теории познания отодвинули и от которой в конце концов совсем отказались.

Таким образом, мы сегодня стоим перед задачей создания новой онтологии. Вполне ясно, что после всех успехов науки старой онтологии больше быть не может. Речь уже не идет «о форме и материи» сущего. И не о «потенции и акте». Ибо уже не целевое соотношение «субстанциальных форм» господствует над миром, никакая телеология не может нам больше помочь; нейтральные «законы» оказались господствующими силами природы, и отношение причины и следствия управляет мировыми событиями снизу.

## II

Новая онтология исходит из других соображений. Она усматривает «строение» (то, что обычно называют объектами) и «процессы» не раздельно, а вместе. Все реально сущее находится в становлении, оно имеет свое возникновение и уничтожение; первичные динамичные образования от атомов вплоть до спирального тумана являются настолько же процессными, как и членными (Gliedgefüge) и оформленными (Gestaltgefüge) образованиями. В еще большей степени это имеет место относительно органических образований, начиная от сознания как душевной целостности, и относительно порядков человеческого общества.

В этих образованиях действует иной способ сохранения, чем субстанциальность: сохранение через внутреннее равновесие, регулирование, самодеятельное воссоздание или даже самодеятельное превращение. В отличие от субсистенции его можно назвать консистенцией. Ее результатом является хотя и не вечная, но достаточно долгая длительность для того, чтобы придать образованиям свойство быть носителем изменяющихся состояний (акциденций).

Ее каузальностью является не causa immanens, которая сохраняет себя в действии, а causa transiens, которая исчезает в своем действии. Ее действие поэтому не содержится в причине, а возникает заново. Каузальный процесс в этом новом смысле не является развитием чего-то, что уже содержалось в причине, а

представляет собой производительное созидание (produktives Hervorbringen).

Строение реального мира имеет форму наслоения. Каждый слой является целым порядком сущего. Главных слоев четыре: физически-материальный, органический-живой, душевный, исторически-духовный. Каждый из этих слоев имеет свои собственные законы и принципы. Более высокий слой бытия целиком строится на более низком, но определяется им лишь частично.

Метафизика, построенная на одном-единственном принципе или на одной-единственной группе принципов (как ее раньше всегда конструировали), является поэтому невозможной. Все сконструированные картины единства мира неверны — как «метафизика снизу», так и «метафизика сверху» (исходя из материи или из духа). Существует естественная система мира, которая не является сконструированной. Ее структуру можно найти в феноменах. Но она не сводима ни к точечному или централизованному единству, ни к первопричине или наивысшей цели.

То, что можно установить, — закономерность самого строения. В нем можно охватить последовательность (Überhöhung) слоев, а также противодействие зависимости и самостоятельности. Характер самой реальности при восхождении не меняется. Душевные и духовно-исторические события не менее реальны, чем вещи и животные, процессы вообще не менее реальны, чем образования. Новое понятие реальности не связано с материальностью и пространственностью, а всего лишь со временностью, процессностью и индивидуальностью.

## III

Само бытие нельзя ни определить, ни объяснить. Но можно отличить виды бытия и анализировать их модусы. Тем самым их можно осветить изнутри. Это осуществляется модальным анализом реального и идеального бытия. Здесь все связано с внутренними отношениями возможности, действительности и необходимости. Эти отношения в каждой из сфер бытия совсем разные; более того, они разные в логической сфере и в познании. Их нахождение составляет предмет целой, и притом новой, науки: модального анализа. Модальный анализ — ядро новой онтологии.

Все остальное относится к учению о категориях. Оно охватывает совместные принципы (фундаментальные категории) и специальные принципы отдельных слоев бытия. Из последних не все ограничены одним из слоев, некоторые проникают в более высокие порядки сущего, другие обрываются на границах слоев. Так, пространство, субстанция (включая материю) и математическая структура завершаются на органическом, тогда как время, процессность, каузальность и др., простираются далее вверх и внутрь духовного бытия: душевная жизнь непространственна, нематериальна, нематематична, но временна и процессна, имеет свою собственную причинность и взаимодействие.

С другой стороны, на каждой границе слоев возникают новые принципы. В органической природе все основывается на новом типе процесса, на морфогенетическом процессе, на саморегулирующемся равновесии процессов, на стихийном самовоссоздании (Selbstwiederbildung) индивида. К этому прибавляется (исходя из системы задатков) надкаузальная форма детерминации процесса самообразования. Но в душевное бытие эти категории не проникают. Они остаются связанными с пространственным миром.

Совсем иные формы бытия обнаруживает душевный мир: «субъект» и отличающийся от внешнего «внутренний мир», замкнутость индивидуальных внутренних сфер по отношению друг к другу, поток переживаний со своей своеобразной формой процесса, предметное сознание, а также противодействие акта и содержания (представления). Сюда же относится и трансценденция таких актов, как хотение, действие, познание, любовь и ненависть, в сущности которых заложен выход из внутреннего мира и связывание его с пространственно-предметным миром.

С этой же трансценденцией одновременно начинается духовная жизнь, которая не сводится к сознанию индивида и составляет над ним собственную плоскость бытия, плоскость исторически объективного духа. Язык, право, нравственность, мораль, оформление общества, религия, искусство, техника составляют объективный дух. В нем нет актов, нет сознания (которое соответствовало бы ему как целому), нет наследственности; его продолжение безличностно, он передает себя таким образом, что индивиды врастают в него, его перенимают и передают. Это его форма сохранения, консистенция особого рода.

Индивиды же, из-за того, что они охвачены им, являются чем-то бóльшим, чем субъекты, они — личности. Основные категориальные определения личности опять-таки нового рода: предвидение и предопределение (целевая деятельность), свобода и сознание ценностей. Только находясь в обществе и в объективном духе, личность является нравственным и способным к ответственности существом.

## IV

В строении мира нет свободного парения более высоких слоев. Они существуют, лишь накладываясь на более низкие, носимы ими. Способ накладывания (das Aufruhen) различный. Органическая жизнь носима неживой природой, так как имеет своими кирпичиками ее образования (атомы и молекулы). Душевная же жизнь не имеет своими кирпичиками образования и процессы, а поднимается над ними как совершенно новый мир. В первом случае мы имеем дело с отношением переоформления, в последнем — с отношением надстройки. Притом категории более низкого слоя проникают в более высокий, и существенная их часть остается там.

Строение мира из слоев определяется отношением категорий (принципов и законов) надстраивающихся друг над другом слоев.

Повторение более низких категорий в более высоких слоях бытия составляет единство мира; появление новых категорий на более высоких слоях (категориальное novum) составляет его несводимое разнообразие. Нельзя все в мире свести к одному знаменателю. Отсюда крах всей монистической метафизики.

Самостоятельности более низких по отношению к более высоким слоям соответствует частная зависимость последних от первых. Появлению (der Einschlag) категориального n o v u m в более высоких слоях соответствует их автономия (свобода) от более низких. Даже в отношении переоформления более низкие принципы только «по материи» определяют более высокие формы. Свое особое своеобразие последние получают из самих себя.

Основной онтологический закон мировой взаимосвязи содержится в следующих двух положениях: 1) более низкие принципы являются более сильными, всёносящими, они не могут быть сняты более высокой формой и 2) хотя высокие принципы являются более слабыми, они тем не менее в своем novum являются самостоятельными и имеют неограниченный простор для воздействия на более низкие.

«Свобода» имеется на каждой ступени, в каждом более высоком слое по отношению к более низкому. Многодекларируемая свобода воли человека как моральной личности является лишь специальным случаем. Ее как таковую можно понять, лишь исходя из основного онтологического закона. Все индетерминистские понятия свободы так же неверны, как и все детерминистские отказы от свободы. Индетерминизм не нужен, так как свобода является не снятием существующей определенности, а началом более высокой.

* * *

Без критической онтологии Н. Гартмана трудно представить картину развития философской мысли XX в. Наряду с учениями Э. Гуссерля, М. Шелера, М. Хайдеггера вариант философии бытия Гартмана является одним из самых глубоких пересмотров традиции.

Публикуемый текст представляет собой доклад, сделанный Н. Гартманом на философском конгрессе в Испании (Mendoza, 1949). Это сжатое изложение основ его онтологического учения тем более интересно, что относится к позднему периоду творчества философа.

Перевод выполнен Д. Мироновой по изданию: *Hartmann N.* Kleinere Schriften. B., 1958. Bd. III. S. 333—337.